

«**Переверзин Иван.** Книги с доставкой в OZON.ru. Закажи сейчас!» – заманивает реклама с различных «уголков» Интернета.

Иван Переверзин (10.03.1952) – человек для Якутии не посторонний. Наш земляк родился в посёлке Жатай. 10 лет работал рабочим в совхозе «Нюйский» и леспромхозе Ленского района, шесть лет – директором совхоза. Затем стал начальником управления сельского хозяйства и заместителем главы администрации Ленского района.

Писать он начал с 30 лет. Автор двух публицистических книг и нескольких сборников стихов, первый из которых был опубликован в 1991 году. В 1994-м вступил в Союз писателей России. Лауреат премии журнала «Наш современник», литературных премий Союза писателей России «Традиция» и «Северная звезда». После двух лет работы в правительстве республики Иван Иванович ответил согласием на предложение из Москвы стать заместителем по экономике и финансам главного редактора концерна «Литературная Россия». В 2000 году И. И. Переверзин возглавил Литературный фонд России. Столь стремительной литературной карьеры не добивался ещё ни один якутянин.

И столь скандальной репутации. Как только не называет его центральная пресса! «Переделкинский король» и «нью-Бендер» («Московский комсомолец»), «Якутский механизатор российских писателей» («Новая газета»), «Оборотистый коммерсант современного разлива» («Литературная газета»)

и т. д. Писатели обвиняют его во взяточничестве и воровстве, ведут с ним устную и письменную борьбу, а финансовыми делами Международного литературного фонда, к которому он также имеет нынче отношение, занимается прокуратура. И хотя он проигрывает один за другим суды по искам писателей, тем не менее, продолжает управлять финансами и собственностью литературных фондов. Последний скандал – прямо во время суда Иван Переверзин избил известную поэтессу Надежду Кондакову («Литературная газета», 9 июня 2010).

Настоящим потрясением для меня стало расследование писателя Михаила Кустова, опубликованное в «Московском комсомольце» в декабре 2008 года. Обратившись в отдел кадров академии имени Плеханова, он выяснил, что И. И. Переверзин ни заочно, ни очно не учился и не оканчивал эту академию. Кроме того, фамилия Переверзина И. И. не значится и среди выпускников Высших литературных курсов (Литературного института им. М. Горького)! А ведь наш земляк чуть ли не в каждом интервью с гордостью заявляет о том, что окончил эти два престижнейших вуза России!

Признаться, мне никогда не нравились стихи Переверзина. Ни в бытность его работы в Ленске, ни в нынешний московский период. Поэтому, когда Переверзина кто-нибудь хвалил, я всегда пожимал плечами: может быть, я чего-то не понимаю? Мне всегда казалось, что стихи у него – бессюжетные, незапоминающиеся, корявые. Такие прочитаешь – и в голове ничего, кроме недоумения, не остаётся. Между тем Переверзин, перебравшись в Москву, продолжал завоёвывать литературные позиции, активно публиковаться в центральных изданиях и толстых литературных журналах. Высокий пост этому способствовал. В 2004 году выходит его солидный (по объёму) сборник «Стихотворения» в московском издательстве «Академия поэзии» – твёрдый переплёт, 576 страниц. В этой

книге его называют «замечательным русским поэтом», а известный московский критик Владимир Бондаренко выдаёт целый панегирик автору в своём предисловии «Серебряная точность слова». В 2007-м в Москве двухтысячным тиражом выходит сборник стихов Переверзина «Цветы любви», где в аннотации говорится: *«Стихотворения мастера отличает изысканная лиричность, искренность чувств, лёгкая, прозрачная рифма, особое, свойственное только большим поэтам умение различать в простом и обыденном загадочное и возвышенное»*. Наконец, поступила в продажу изданная в 2010 году тиражом 2000 экземпляров книга Переверзина «Грозные крылья». Объём её впечатляет: большой формат (15x22x4 см), 664 страницы плюс 11 цветных иллюстраций. И снова упражняется в славословии известный поэт Лев Котюков, открывая сей «книжный кирпич», снова называет Переверзина «замечательным русским поэтом», сравнивает его с Михаилом Исаковским и Борисом Корниловым и возносит до небес.

Впрочем, **о поэте судят по стихам**, а не по скандалам. Что ж, давайте поподробнее ознакомимся с последней книгой нашего земляка.

«Книга Ивана Переверзина, состоящая из избранных стихов, – своеобразный этап творческого пути известного русского поэта» – читаем в аннотации. Что ж, избранное – это всегда лучшее, не правда ли? Давайте начнём с первого стихотворения сборника – как правило, любой автор всегда стремится поставить на открытие особенное, сильное стихотворение, чтобы заинтересовать и увлечь читателя (орфография и пунктуация сохранены):

Твоё имя

*Едва смог выйти из тумана,
как окунулся вновь в туман.*

*В моей душе такая рана,
куда там боль от старых ран!*

*Пусть эта рана ножевая, —
Но кровью напрочь изойдя,
мне не войти под кущи рая,
чтоб разрыдаться, как дитя...*

*В аду сгорю я, чёртов грешник,
за то, что от шальной любви
построил вдруг такой скворешник,
что в нём подохли соловьи...*

*Тогда ты в душу и вонзила
свой нож, сгорая от стыда,
что, видно, зря меня любила, —
и не разлюбишь никогда!*

*Прости! Я слёз твоих не стою,
но ими, а ничем другим,
я рану, как водой, омою, —
воскреснув с именем твоим.*

О душевной ране мы говорим обычно в переносном значении, поэтому и сбивают с толку словосочетания «рана ножевая» и «кровью изойдя» во второй строфе, заставляющие трактовать «рану» в прямом смысле. Вот только можно ли душу поранить ножом?!

Выражение «райские кущи» тоже обычно употребляется в переносном значении (райский уголок, сад, дом). Старославянское слово «кущи» имело значение «угол», а в болгарском, сербохорватском и словенском языках это слово означало «дом». Автор же, получается, собрался войти под сад или под дом, чтобы там разрыдаться (?!). Впрочем, сравнение «раз-

рыдаться, как дитя» тоже неудачное. Дитя плачет, а не рыдает (вспомним пушкинское: «то заплачет, как дитя»). Скворечник автор почему-то предназначает соловьям, а четвёртая строфа, на мой взгляд, вообще лишена какого-либо смысла. Название стихотворения совсем не определяет его содержание.

В книге девять разделов и 589 стихотворений. Давайте рассмотрим первое стихотворение второго раздела (орфография и пунктуация сохранены):

По травам

*Погаснет – дальняя зарница
и – вспыхнет новая на миг, –
так в памяти мелькают лица,
один, другой любимый лик.*

*Календарей смывают струи
Следы расчётливых измен,
И дней оборванные струны
Сменяет музыка антен...*

*Приёмник выключу – и ладно!
И буду слушать, как трава
Растёт безгрешно, безоглядно
в колючках зла по краю рва.*

*Она растёт в воротах рая,
растёт под острою косою,
растёт с тобой, земля сырая,
земля, – омытая росой.*

*Я правым был и был неправым,
тонул в воде, горел в огне,
и не боюсь ходить по травам,
ведь и они пройдут по мне.*

Вы не удивляйтесь, я не ошибся: в книге именно так расставлены знаки препинания, именно так написаны слова «скворешник», «рассчётливых» и «антен». Несмотря на наличие в выходных данных редактора и корректора.

Трудно представить, согласитесь, при всём богатстве воображения, как календарь (а не время) течёт, и струи его смывают следы (какие?) расчётливых (почему-то) измен. Музыку антенн тоже представить не так-то просто, ну, а в суггестивном тумане «дней оборванных струн» рассмотреть какой-либо смысл вообще не представляется возможным. После выключенного приёмника, наверное, хорошо слышно, как растёт трава в колючках зла. Вот только нужно найти место «по краю рва», «в воротах рая» или «под острою косой», а то не услышите. «Земля сырая» тоже, оказывается, растёт, но не любая, а лишь «омытая росой». Кто её, интересно, омыл? И ещё любопытно было бы посмотреть, как это травы, умея ходить, пройдут по автору. Вдоль или поперёк?

Недаром говорят, что о поэте можно судить уже по первой строке. Можно ли судить о всей книге Ивана Переверзина по первым стихотворениям двух первых разделов? Да, безусловно. В книге сотни слабых, беспомощных, корявых стихотворений, доказывающих, что автор плохо владеет и словом, и русским языком, и стихотворной грамотой. Здесь не редкость сбой ритма, несоблюдение размера стихотворной строки, нарушение правила альтернанса. И прочее, и прочее.

Основная тема огромной массы стихотворений в новой книге Переверзина – он сам. Обиды и злоба на врагов, непомерные амбиции, отношение к раю и аду, жизни и смерти и пожизненный душевный раздрай автора кочуют у него из стихотворения в стихотворение, со страницы на страницу и довольно быстро набивают у читателя оскомину. Удачные образы и авторские находки в стихах Переверзина настоль-

ко редки, что нисколько не влияют на общее негативное впечатление. С превеликим трудом я осилил сей гроссбух, задавшись целью сделать критический разбор новой книги «замечательного русского поэта», дабы не быть голословным.

Любой уважающий себя стихотворец (я уже не говорю – поэт) знает, что глагольные рифмы – **признак поэтической слабости**, а однокоренные рифмы – вообще недопустимый поэтический грех. Вот только Переверзин, похоже, об этом знать не знает, ведать не ведает, потому что с удовольствием рифмует глаголы между собой:

*Я – уже с эпохою простился,
и врагов-товарищей простил...
Но едва мне образ твой явился,
я забыл, о многом я забыл...*

*Я забыл, что сердце изболелось, –
и ночами не могу я спать,
я забыл, что песнь любви допелась,
а другой нет силы начинать...*

Извините, но у Переверзина именно так: «другой», а не «другую». В книге **избранных** стихотворений «замечательный русский поэт» использует глагольные рифмовки 498 раз! Мало того, он часто употребляет совсем уж позорные для любого стихотворца однокоренные рифмы: «вижу – ненавижу», «носила – уносило», «может – поможет», «скажет – докажет», «пережить – жить», «прошёл – нашёл», «перестала – устала», «покажет – прикажут», «считать – читать» и т. д. В книге не редкость слабые, беспомощные рифмы: «погасли – о стихах ли», «пересуды – любим», «жалит – поругались», «наверно – мгновенно», «впаривал – подзадоривал», «нежность – вечность», «небом – веком», «церквушка – русской»,

«бесславья – признанья», «любви – земли», «в дали – любви», «сердце – бессмертье» и т. д.

Не гнушается автор употреблять и **банальные, избитые рифмовки**, такие, как «берёзы – слёзы» (употреблено в книге 9 раз), «любовь – кровь» (16 раз), «вновь – любовь» (11 раз), «любви – соловьи» (13 раз), «солнце – оконце» (13 раз) и т. д. По-видимому, у Переверзина есть *любимые* пары рифм, поэтому он использует их так часто. Есть у автора и любимые слова. К примеру, «смерть» и «бессмертье». Первое он любит часто рифмовать со словами «круговерть» и «твердь», а второе – со словами «круговерти» и «сердце»:

*Не беда, что гложет сердце,
не беда, что стынет кровь, –
верю я в своё бессмертье,
верю я в твою любовь.*

Есть в книге и такой вариант:

*Так, слушайте! Я всё скажу,
всё выдам, что берёг на сердце, –
пройду светло, как по ножу,
в своё бессмертное бессмертье.*

Именно так, а не иначе. Свою, пожалуй, самую любимую рифмовку «сердце – бессмертье» Переверзин употребляет в книге ни много ни мало – 20 раз. На то и любимая. Есть у Переверзина и любимые «эпитеты»: бессмертный, проклятый, прекрасный и красивый. Поэт от сохи позволяет себе поэтические вольности: «боле», «огнь», «сребристый», «золотой», «младой», перестановки ударений в словах и т. д. О том, что автор не в ладах с русским языком, тоже свидетельствует множество примеров. Наверное, горе-стихотворец искренне убеждён в том, что уже упоминаемые мною «кущи» – это кусты:

*С каждым шагом темней и темней,
и во тьме обступают всё гуще
эти пышно цветущие кущи, –
что навеки воспел – соловей.*

А вот ещё пример:

*Волна, накатывая, меня облизывает с головы до ног,
облизывает вкусно, будто котёнок жирную миску.
Чайки – то усядутся на влажный зернистый песок,
то круто поднимутся в небо, что синей василиска.*

Тут, очевидно, автор попутал (или бес попутал) слова «василиск» (сказочное чудовище, змей, убивающий взглядом и дыханием) и «василёк» (тёмно-синий полевой цветок). В стихотворении «Горевое» темнота у автора почему-то «стояла тишиной во рту», а сам он «горько зарыдал навзрыд». В другом стихотворении автор вспоминает о «бессмертье жизни». Шторм у него «кромешный», роскошь – «малинная», а фундамент «впаянный в бетон». Этот ряд можно продолжить. Пожалуй, прав Михаил Кустов: Переверзин не оканчивал Высших литературных курсов. Об этом как нельзя лучше свидетельствуют его стихи.

Короля, как говорится, делает свита. Свита редакторов известных газет и толстых журналов, принимающая стихи чиновника от литературы в печать. Свита захлёбывающихся от восторга критиков и чиновничьих лизоблюдов.

Что ж, свита сделала своё дело – и сам «король», похоже, уверовал в своё королевское величие:

*Но что мне грязная молва,
когда в глубинах сердца
вовсю рождаются слова
грядущего бессмертья.*

*И пусть не мне – моим врагам
Жизнь кажется обидой,
Ведь я герой великих драм,
Они лишь – сброд постыдный.*

Впечатляет? Это далеко не всё. Дальше – больше:

*Но не где-нибудь там, у порога
вечной жизни, а здесь, на земле
стану я, – как поэт, равен Богу, –
и бесследно не сгину во мгле.*

Это далеко не все примеры, поскольку тема-то для Переверзина – **любимая**. Но я себя ограничиваю:

*Я у сестры в гостях по повелению
распахнутых в грядущее стихов,
хоть не слышу и не считаюсь гением,
а мог бы, мог – скажу без дураков.*

Заканчивается самовосхваление автора пророчеством:

*И всё-таки в борьбе за Слово
Не важно как я назовусь,
но важно, что воскресну снова,
и воскресну с собою Русь.*

Вот так вот. Почти с Божьей миссией, получается, пришёл на нашу грешную землю поэт от сохи Иван Переверзин! Просим любить и жаловать! И почитать!

Подведём итоги. Одна и та же тема, одни и те же рифмы, одни и те же «эпитеты», одни и те же размышления о своём предназначении и самовосхваления – эту вечную жвачку Иван Переверзин жуёт на протяжении всей своей немалой по объёму книги. Переливает из пустого в порожнее, из порожнего – в пустое. Интерес к книге пропадает уже после прочтения первых нескольких стихотворений.

Предыдущий сборник Переверзина настолько же слаб. И раскупается он плохо – с 2007 года до сих пор ещё не распродан, несмотря на усиленную рекламу в Интернете. Книга доступна любому, у кого есть Интернет. Но ведь не берут же!

А я вспоминаю, как специально поехал в Мирный, чтобы купить с десятков сборников стихов Алексея Васильева местного издания – себе и членам литературного объединения. Тысячный тираж этой книжки разошёлся почти мгновенно – любят у нас настоящую поэзию! А вот графоманская – пылится годами на полках книжных магазинов, несмотря на интернетовские «заманухи».

Мне вот что не понятно: для чего, спрашивается, видные критики и писатели, как сговорившись, поют дифирамбы посредственному рифмоплёту? Для чего Лев Котюков в предисловии к книге «Грозовые крылья» с претензией на высокие материи пишет, комментируя стихи Ивана Переверзина: *«В вечности нет условного деления на прошлое, настоящее и будущее, в ней всё существует одновременно, подобно истории земной в нашем сознании. Но одновременность вечности есть творческая бесконечность, где каждое мгновение неповторимо, где всё рождается заново и повторяется, не повторяясь...»?*

От такого насыщенного «тумана» на ум сразу же приходит категоричное высказывание Игоря Северянина: **«Чем бестолковее стихотворенье, тем глубже смысл находит в нём простак...»**. К нашему «переделкинскому королю» это имеет прямое отношение. Вот только почему из всей толпы народной до сих пор не нашлось ни одного здравомыслящего литератора, который развеял бы довлеющее над всеми мнение лжепочитателей и лизоблюдов искренним своим восклицанием: «А король-то голый!»?